



Иван Александрович

ГОНЧАРОВ

(1812—1891)

И. А. Гончаров как писатель «натуральной школы»

Гончаров вступил на писательское поприще в переломные для отечественной литературы 1840-е годы, когда повесть и роман «сделались альфой и омегой нового времени» (В. Г. Белинский). Проза заняла ведущее место на страницах журналов и не уступала своего лидерства всю вторую половину XIX века.

Основной приметой литературы того времени становится исследование не столько индивидуально-конкретных, неповторимо-личностных качеств человека, сколько типовых свойств характера, отвечающих усреднённым поведенческим стереотипам, обусловленным приличиями сословного и должностного круга общения. Гоголь в драматургии и прозе запечатлел (средствами гротеска прежде всего) эту трагедию перерождения индивидуальности в безликий социальный тип, в «бесплатное приложение» к чину и должности.

Прозаики того времени осознавали себя в значительной мере наследниками творческих принципов Гоголя. Так возникла «натуральная школа» — наиболее значительное объединение писателей 1840-х годов.

В марте 1846 года И. А. Гончаров знакомится с главным идеологом «натуральной школы» — В. Г. Белинским, а через него — с Н. А. Некрасовым, Д. В. Григоровичем, И. И. Панаевым. Чуть раньше он познакомился с Ф. М. Достоевским

и И. С. Тургеневым. В 1842 году И. А. Гончаров, словно ощущая веяния времени, пишет повесть «Иван Савич Поджабрин», в которой описание дня обычного петербургского жуира и дамского угодника внешне напоминало сюжет физиологического очерка.

Действительно, Гончаров во многом иначе, чем Гоголь и очеркисты «натуральной школы», ответил на социальный заказ времени. «Электричество чина» (выражение Гоголя) в его произведениях отнюдь не является единственным и главным критерием художественной правды изображения современного ему человека. Власти этого «электричества» он решительно противопоставил вечные, не зависящие от жестокой исторической реальности потребности человеческой природы — в красоте, в любви, в творческих порывах духа.

Вот почему именно антитеза героя-идеалиста и героя-практика в разных её вариациях станет ведущей для романного мира Гончарова. Она будет организовывать систему образов всех романов писателя — «Обыкновенной истории», «Обломова» и «Обрыва». Сам Гончаров не раз писал о внутреннем художественном единстве всех трёх романов, воспринимая их как романную трилогию. Её сквозная тема — Россия на переломе двух исторических эпох: патриархально-крепостнической и пореформенно-буржуазной.

Прекраснодушный романтизм Александра Адуева, мечтательная лень Обломова, мудрый консерватизм бабушки Татьяны Марковны Бережковой — всё это разные лики уходящей патриархальности. Им противостоят образы деловых людей: Петра Адуева, Штольца, Тушина. Причём во всех трёх романах Гончаров изображает смену исторических эпох как процесс принципиально неоднозначный, в котором духовные обретения оборачиваются неизбежными потерями, и наоборот. В каждом из укладов Гончаров видит свои плюсы и свои минусы, всецело не связывая авторский идеал «нового человека» ни с одной из сторон исторического противоборства. Уже в первом романе — «Обыкновенная история» — замысел всей трилогии получил оригинальное воплощение.

Роман «Обыкновенная история» (1847). Главный герой, молодой человек Александр Адуев, живший идиллической жизнью под крылом своей матушки, решает покинуть родное поместье Грачи. Его манит «большой мир» «тревог и битв», возможность проявить себя на «главной арене деятельности» — в Петербурге. Однако мечты Александра о высокой славе и служении людям, «неземной» любви и преданной дружбе одна за другой разбиваются о бездушную, казённую атмосферу Петербурга, где от человека требуется одно умение — «больше любить своё дело, нежели любимого человека, не надеяться ни на чью преданность», «всё рассчитывать и обдумывать, не позволять себе забыться». Его идейный антагонист и своеобразный «демон-искуситель» — дядюшка Пётр Иванович Адуев склоняет героя примириться с этой правдой как с положительной нормой века.

Впрочем, Гончаров до известной степени признаёт достоинства трезво-практического взгляда на жизнь, исповедуемого Петром Ивановичем. Дей-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, закончилось знакомство с курсом истории русской литературы XIX века.

Подводя итог, можно сказать, что русская литература постоянно расширяла границы своих знаний о всех пластах жизни, из которых черпала темы и сюжеты произведений, и всё глубже проникала во внутренний мир человека, в тайны его души.

История русской литературы — это история смены жанров и стилей. От почти безусловного господства поэзии в первой трети XIX века русская литература неуклонно двигалась к прозе. Торжество повествовательных форм отмечена последняя треть XIX столетия. Это не значит, что поэзия прекратила своё существование. Она лишь уступила первое место на литературной арене прозе, но при всяком благоприятном случае была готова взять реванш в состязании за власть над умами и чувствами читателей.

Преодолев в ходе своего развития жанровое мышление, русские писатели перешли к мышлению стилями, что наглядно проявилось в творчестве Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Затем в литературе установилось господство индивидуальных стилей, когда каждый писатель мыслил в духе индивидуальной стилистической системы. Это хорошо видно на примерах произведений Тургенева и Гончарова, Л. Толстого и Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Лескова и Чехова. При этом жанры никуда не исчезли, но стиль освободился от жёсткой зависимости от жанра и строгой нормативности.

Вследствие такого развития в русской литературе были распространены гибридные формы, обладающие признаками различных жанров. Например, «Евгений Онегин» — роман в стихах, «Мёртвые души» — поэма, «Записки охотника» — рассказы и очерки. То же самое можно сказать о романах Л. Толстого (роман-эпопея «Война и мир»), Достоевского (философско-идеологический роман), о стихотворениях в прозе Тургенева и т. д.

Изучение процессов, происходивших в литературе XIX века, помогает лучше понять сдвиги, характерные для художественного мышления XX и XXI столетий.

Авторы питают надежду, что учебник помог девушкам и юношам лучше узнать достоинства русской литературы XIX века и полюбить её. Возможно, они изберут науку о литературе областью профессиональных интересов или станут поэтами, прозаиками, драматургами, журналистами, учителями-словесниками. Те же, кто предпочтёт иные специальности, надеемся, не будут сожалеть о знакомстве с этой книгой, и чтение станет их любимым занятием, доставляющим художественное наслаждение и радость познания.

Список заимствованных иллюстраций

Глазунов И. С. Князь Мышкин // Волков О. В. Художник и время. Илья Глазунов. Альбом. — М.: Советская Россия, 1984. — С. 191.

Кукрыниксы. Сказание о шести градоначальниках. Илл. к повести М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» // Демосфенова Г. В. Кукрыниксы — иллюстраторы. — М.: Искусство, 1956. — С. 92.

Панов В. П. Илл. к книге рассказов А. П. Чехова «О любви» // Литература в школе. — 2018. — Вып. 5. — С. 30.

Серов В. А. Илл. к поэме «Кому на Руси жить хорошо» // Некрасов Н. И. Жизнь и творчество. Альбом / Сост. М. М. Калаушин. — М.: ГИИИ, 1955. — С. 195.

Серов В. А. Наташа у дядюшки. Илл. к эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» // Л. Н. Толстой в портретах, иллюстрациях, документах. — М.: Учпедгиз, 1956. — Илл. 1.

Серов В. А. Пьер в Москве. Илл. к эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» // Л. Н. Толстой в портретах, иллюстрациях, документах. — М.: Учпедгиз, 1956. — Илл. 2.

При подготовке данного издания использованы иллюстративные материалы:

XY2-3082309